

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщаще
ѡхъ во имя Оца и Сна и Свѣтаго Дѣа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

1896.

Годъ четвертый.

ТОМЪ I.

№ 7.

АПРѢЛЬ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА

ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1896

литвы: „придите поклонимся и припадемъ“ въ школахъ и особенно въ церкви дѣйствительно припадать ко Христу земнымъ поклономъ; а то странно бываетъ смотрѣть, когда отецъ говорить: „придите поклонимся и припадемъ“ и въ тоже время ни онъ самъ ни предстоящіе и не думаютъ не только припасть, но даже поклониться.

Миссіонеръ, священникъ села Апазова Александръ Миропольскій.

Казань 1896 года Марта 23 дня.

Судъ изъ за калыма.

Въ Кинъ-аральскомъ волостномъ судѣ въ первыхъ числахъ м. ноября прошлаго года разбиралось крупное дѣло между двумя богатыми киргизами Тумаканомъ Биктасовымъ и мурзой Ростумбаевымъ, возникшее изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Въ 1879 году Биктасовъ за пріемнаго сына Мурзабека высваталъ дочь у одноаульца своего Ростумбаева—Рухію, причемъ уплатилъ по киргизскому обычаю въ калымъ 30 лошадей и 200 рублей деньгами. Вскорѣ послѣ этого, но до свадьбы, пріемный сынъ Биктасова умеръ, а калымъ остался въ пользованіе Ростумбаева. По неимѣнію сыновей Биктасовъ вторично принялъ къ себѣ въ сыновья сына ближайшаго родственника, по имени Мурзамагамбета, который былъ уже много моложе высватанной дѣвицы Рухіи, почему Биктасовъ и Ростумбаевъ вторично условились, чтобы высватанная невѣста по совершеннѣтїи втораго пріемыша Биктасова была его женою, въ подтвержденіе чего Биктасовъ увеличилъ свой калымъ, добавивъ Ростумбаеву еще 6 лошадей и 450 рублей денегъ, но къ несчастію Биктасова и этотъ второй крѣмный сынъ, будучи уже въ возрастѣ, въ іюлѣ минувшаго года умеръ, такъ что тянувшаяся между Биктасовымъ и Ростумбаевымъ 15-ти лѣтнее сватовство не увѣнчалось успѣхомъ. И тогда Биктасовъ съ Ростумбаевымъ сдѣлались мѣсто родственниковъ непримиримыми врагами. Первый изъ нихъ, уплативши такой громадный калымъ, считалъ молодую дѣвушку своею собственностью, предполагая во что-бы

то ни стало получить ее въ замужество за себя, или за кого-бы то ни было изъ своихъ родовичей, хотя бы за 60-ти лѣтняго старика, а послѣдній, за долговременнымъ ожиданіемъ двухъ жениховъ своей дочери, не считалъ себя обязаннымъ возвратить калымъ.

Дѣвица Рухія какъ уже совершеннолѣтняя, зная хорошо обычаи своего народа, что по согласію своихъ родителей можетъ быть насильно выданной вмѣсто молодого джигита за какого нибудь 70-ти лѣтняго старика, что между киргизами въ обычаѣ, стала сама хлопотать о своей участи. Въ августѣ она подала прошеніе г. Куставайскому уѣздному начальнику, въ коемъ ходатайствовала оградить ее отъ насилій родителей и родовичей Биктасова, предоставивъ ей право на выходъ въ замужество за кого она по влеченію своего сердца пожелаетъ.

Изъ числа родственниковъ матери ея овдовѣлъ молодой киргизъ Пресногорьковской волости, Петропавловскаго уѣзда, извѣстный по сибирской ордѣ богачъ Шагіахметъ Ташетовъ, который, какъ родственникъ, спасъ молодую дѣвушку отъ угрожавшей ей участи. Ночью 15 октября, тайно отъ родителей Биктасова и своего родителя, съ помощью матери и братьевъ своихъ, она бѣжала въ Сибирь и тамъ вышла въ замужество за красиваго, богатаго молодого Ташетова.

Всѣ киргизы, въ особенности родовичи Биктасова, надѣясь на богатство его, послѣ побѣга дѣвушки разгласили по всей волости, что вотъ съѣдутся на совѣтъ алтыбаши (такъ именуется родъ Биктасова) и барантой (разбоемъ) отобьютъ весь скоть, ограбятъ и начисто раззорятъ Ростумбаева. Старикъ Ростумбасевъ ко всѣмъ этимъ вѣстямъ относился хладнокровно и отвѣчалъ спокойно: „вотъ мой табунъ скота: если имѣютъ право, пусть берутъ и гонятъ куда угодно“, а между тѣмъ принималъ свои мѣры и приготовился отразить силу силой, для чего, въ свою очередь, имъ были подговорены молодые и здоровые джигиты изъ числа своихъ родовичей науширцевъ. Въ половинѣ дня 1 ноября м. къ табуну Ростумбаева со стороны аула Бактасова, разстояніе между которыми не болѣе пяти верстъ, подѣхали 20 или болѣе человекъ джигитовъ. Увидѣвъ

ихъ, пастухъ Ростумбаева сейчасъ даль знать своимъ родовичамъ, которые какъ изъ земли выросли и въ одинъ мигъ очутились около табуна, совершенно неожиданно для нападавшихъ. Между ними завязалась драка, первые отбивали и гнали въ свою сторону Ростумбаевскихъ лошадей, а послѣдніе съ неистовымъ крикомъ обратно вырывали ихъ и возвращали въ аулъ, при чемъ было пущено въ ходъ и огнестрѣльное оружіе, но къ счастью дѣло обошлось безъ убійства.

По окончаніи баранты въ табунѣ Ростумбаева не оказалось 10 лошадей, но за то джигиты его доставили ему одного киргиза изъ партіи алтыбашевъ вмѣстѣ съ лошадыю, принадлежавшаго къ числу барантачей. Этотъ послѣдній по неволѣ принужденъ былъ рассказать всѣ незаконные замыслы Биктасова, въ виду чего и самому Биктасову пришлось подчиниться закону и возвратить захваченное.

4-го ноября въ аулѣ Тумакана и отца его Биктаса съѣхалось для примиренія Биктасова съ Ростумбаевымъ съ обоихъ сторонъ масса киргизъ, гдѣ участвовали Кинь-Аральскій и Аракаргайскій волостные управители. Они склонили ихъ передать свое дѣло на рѣшеніе посредниковъ, для чего избрали: Биктасовъ—съ своей стороны почетныхъ киргизъ Аракаргайской волости, однородцевъ ему, Минайдара Клыпшаева, Кожаяхмета Урдабаева, Истыбая Саркина и киргиза одного съ нимъ аула Уразалу Канаева: Ростумбаевъ же почетныхъ киргизъ здѣшней волости Аскарара Сасыкова, Булькубая Алучшина, Сункарбека Найманова и Альчимбая Пидзакова, которые послѣ 5-ти дневнаго обсужденія дѣла постановили опредѣленіе слѣдующаго содержанія:

„Нынѣ-же истребовать отъ киргиза Мурзы Ростумбаева въ пользу Тумакана Биктасова 10 кобылъ разныхъ мастей съ сосунами, 9-ть тай (по 2-му году жеребятъ), 7 кунанъ—кунажинъ (по 3-му году жеребятъ), 6 бѣлыхъ кошемъ средней величины или 60 рублей денегъ, считая каждую по 10 рублей и 650 руб. денегъ взыскать съ Ростумбаева къ 17-му ноябрю. За утвержденіемъ сего опредѣленія, какъ Ростумбаевъ, такъ равно и Биктасовъ никакихъ споровъ уже заводить не должны; въ случаѣ-

же подачи кѣмъ-либо изъ нихъ жалобы по этому дѣлу, таковая, въ силу сего рѣшенія; должна остаться безъ всякаго уваженія, такъ какъ всѣ между ними споры, при рѣшеніи сего дѣла покончены миромъ“.

Дѣло кончилось сравнительно скоро и благополучно, но далеко не всегда бываетъ такъ.

(Тург. газ. № 64).

Ө. Ивановъ.

Намъ не разъ уже приходилось указывать на ненормальныя условія, въ какія поставлена женщина у тѣхъ внородцевъ, среди которыхъ дѣйствуетъ обычай *калыма* (т. е. покупки невѣсты за извѣстную условленную плату). Приведенный выше рассказъ служить хорошею иллюстраціей печальныхъ послѣдствій, проистекающихъ изъ этого варварскаго обычая.

Ред.

Библиографическая замѣтка.

Грамматика народно-татарскаго языка, составл. преподавателемъ Оренбургской духовной семинаріи А. И. Архангельскимъ. *Оренбургъ, 1894 г.*

Названный трудъ имѣеть цѣлью собрать и воспроизвести тотъ грамматическій матеріалъ, который разсѣянъ по разнымъ мухаммеданскимъ руководствамъ, приспособивъ его для знакомства съ народною рѣчью татарскаго населенія, поэтому и всѣ татарскія слова напечатаны въ немъ общепринятой въ этомъ случаѣ русской транскрипціей. Но и при такой скромной задачѣ своей, трудъ этотъ пріобрѣтаетъ весьма большое значеніе, потому что удовлетворяетъ настоятельной потребности въ руководствѣ по татарскому языку, — потребности, которая чувствуется при изученіи татарскаго языка, напр. въ Оренбургской духовной семинаріи и въ Казанской духовной академіи на миссіонерско-татарскомъ отдѣленіи. Къ сожалѣнію, авторъ не отнесся критически къ тѣмъ мухаммеданскимъ грамматикамъ, которыя служили для него источникомъ при составленіи своего руководства, и вслѣдствіе этого

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ языки, крѣщае
ихъ во имя Оца и Сна и Стараго Духа.
Матв. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ Августѣйшимъ
покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни
Императрицы Маріи Феодоровны.

1897.

Годъ пятый.

ТОМЪ I.

№ 1.

Я Н В А Р Ъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. П. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКОЙ ПЕР., СОБ. Д.

—
1897

бали покойника Гавриила, о томъ, какъ нужно класть покойника: „головой къ образамъ, или наоборотъ?“

Миссіонеръ, священникъ Ефремъ Елистевъ.

17 декабря 1896 г. Буконь.

Киргизскіе похороны и поминки.

Какъ только грустная вѣсть, что старикъ Байменче переселился въ лучшій міръ, облетѣла его домашнихъ, всѣ они отдались слезамъ и горю, — плачь сына смѣшался съ плачемъ матери, плачь внуковъ съ плачемъ бабушки. Умеръ старикъ, и никто изъ женщинъ больше не увидитъ его, такъ какъ женщина не имѣетъ права взглянуть въ лицо умершаго мужчины. Сынъ покойнаго съ неуспѣвшими еще высохнуть на глазахъ слезами высылаетъ гонцовъ о дву-конь на всѣ четыре стороны, верстъ за пятьдесятъ—за сто, оповѣстить однородцевъ о смерти своего отца, съ приглашеніемъ ихъ на похороны. Всѣ приглашенные собрались. Старики разныхъ родовъ, числомъ отъ четырехъ до шести, приступаютъ къ обмыванію покойнаго. При этомъ соблюдаются слѣдующія правила: если покойный умеръ въ землянкѣ, то его для обмыванія выносятъ въ кибитку; если умеръ въ этой послѣдней или въ жильѣ, построенномъ изъ дерева, то въ нихъ же происходитъ и обрядъ обмыванія; наблюдается лишь одно, чтобы ни въ кибиткѣ, ни въ жильѣ не сохранялось ничего съѣстного. Покойнаго для обмыванія кладутъ на разостланное по землѣ сѣно; если есть скамья, то на скамью; кладутъ его на спину, а голову поворачиваютъ лицомъ къ югу (къ Меккѣ). Одинъ или два изъ участниковъ обмыванія, чтобы посторонніе, присутствующіе въ кибиткѣ, не увидѣли какъ-нибудь тѣла покойнаго, держатъ почти вплотную надъ нимъ по угламъ какое-нибудь покрывало, которое другими двумя концами привязывается къ рѣшеткѣ кибитки. Остальные, осторожно поворачивая покойнаго, раздѣваютъ его, затѣмъ приступаютъ къ обмыванію: одинъ обмываетъ лицо и руки; другой, обвязавъ свои руки хол-

стомъ, обмываетъ спину, ноги, грудь, вообще все остальное тѣло; третій подаетъ воду, четвертый приноситъ ее. Въ концѣ концовъ окачиваютъ всего покойнаго теплой водой. Постлавъ затѣмъ въ чистомъ мѣстѣ саванъ, переносятъ на него покойнаго, держа надъ нимъ покрывало; здѣсь завертываютъ тѣло сначала въ этотъ саванъ, потомъ въ коверъ или кошму, выносятъ его вонъ изъ кибитки и кладутъ прямо на землю, головою къ западу и лицомъ къ Меккѣ. Въ саженномъ разстояніи отъ ногъ покойнаго становится мулла; позади муллы рядами, по семи и десяти человѣкъ въ каждомъ ряду, становятся всѣ приглашенные на похороны, — и такихъ рядовъ должно быть пять. За послѣднимъ рядомъ приглашенныхъ становится наслѣдникъ умершаго, такъ что вмѣстѣ съ нимъ, муллой и съѣхавшимися хоронить покойнаго получается семь рядовъ. Мулла начинаетъ отпѣвать, а всѣ присутствующіе — молятся за упокой души новопреставленнаго. Заупокойная молитва продолжается не болѣе десяти минутъ. Тотчасъ по окончаніи ея, покойника кладутъ на какую-нибудь повозку и везутъ на кладбище, а если оно близко, то несутъ его туда на рукахъ и опускаютъ въ заранее приготовленную могилу. Самая могила устраивается такъ. Сначала выкапывается яма трехъ аршинной глубины; въ южной части ея дѣлается углубленіе въ сторону, въ видѣ ниши, въ которой и укладываютъ покойнаго лицомъ по направленію къ Меккѣ, а ногами къ востоку. Заложивъ нишу сырцовыми кирпичами, досками и колыями, засыпаютъ могилу первоначально сѣномъ и камышомъ, затѣмъ уже землей. Сѣно и камышъ нужны для того, чтобы не попала на покойника какъ-нибудь земля. Могила засыпана, и мулла вновь совершаетъ краткое молебствіе, тотчасъ по окончаніи котораго наслѣдникъ начинаетъ раздавать всѣмъ присутствующимъ, по степени того положенія въ народѣ, которое каждый изъ нихъ занимаетъ: кому нара, кому лошадь, кому корову, кому барана, кому шелковыя матеріи, кому ситцы. Нужно сказать, что матеріи и ситцы берутся изъ особаго сундука покойнаго, который онъ старался наполнить этимъ добромъ при жизни своей, постоянно памятуя о послѣднихъ дняхъ. Обмывавшіе покойнаго получаютъ его лучшую одежду. Всѣ присут-

ствующіе на похоронахъ, совершивъ затѣмъ надъ засыпанной уже могилой послѣднюю молитву и пожелавъ покойному царства небеснаго, благодарятъ наслѣдника за полученные подарки; потомъ кто-либо изъ нихъ, а чаще всего мулла, громко спрашиваетъ: „каковъ покойный былъ, какъ человѣкъ? хорошъ, дурень ли былъ покойный при жизни своей?“ — Слѣдуетъ обыкновенно общій отвѣтъ: „Хорошій. Да упокойтъ Господь Богъ душу его. Аминь!“ Послѣ этого большинство разѣзжается по домамъ, получивъ отъ наслѣдника приглашеніе на поминки, а болѣе сочувствующіе покойному идутъ въ его домъ, молятся тамъ за него и утѣшаютъ его родныхъ. Поминки бываютъ въ третій, седьмой, сороковой день, наконецъ черезъ годъ послѣ смерти, какъ разъ въ самый день кончины покойнаго.

Со дня смерти и до дня тризны въ помѣщеніи покойнаго живетъ все время мулла, ежедневно молящійся за упокой его души. Въ вышеуказанные дни поминокъ и въ день постройки мазарки, т. е. памятника надъ могилой ¹⁾, съѣзжаются родичи покойнаго помолиться за него. Вообще для такихъ поминокъ можно пріѣхать въ бывшее жилище покойнаго во всякое время въ теченіи поминальнаго года. Пріятели и родственники умершаго, пріѣзжая въ теченіе этого времени для поминокъ, въ память его пригоняютъ какую-нибудь скотину. Такая поминка носитъ названіе: „бата“.

Для пріѣзжающихъ на поминки, въ свою очередь, рѣжется скоть. Послѣ послѣднихъ поминокъ устраивается тризна — „аса“. Наслѣдникъ приглашаетъ сначала своихъ близкихъ родичей, съ которыми и совѣтуется: когда устроить тризну, сколько и какого рѣзать скота, гдѣ выбрать мѣсто для сбора гостей и какіе назначить призы для скачекъ. Когда всѣ вопросы обоудно разрѣшены, родичи разѣзжаются. Мѣсто для „аса“ избирается обширное и богатое подножнымъ кормомъ и водой. Дня за три до „аса“ тѣ же родичи пріѣзжаютъ на избранное мѣсто, гдѣ начинаютъ ставить для гостей кибитки и рѣзать скоть. Скота рѣ-

1) Памятники надъ могилами умершихъ киргизъ чаще всего дѣлаются изъ воздушнаго кирпича и имѣютъ видъ землянки безъ крыши съ коническимъ окномъ на югъ. Болѣе богатые киргизы воздвигаютъ памятники въ видѣ куполообразной постройки изъ камня-песчаника или мѣла съ такимъ же коническимъ окномъ на югъ.

жется, смотря по числу приглашенныхъ на тризну, до тридцати лошадей и до ста барановъ, варится до пятидесяти пудовъ сарачинской крупы, которая для этого случая покупается не у русскихъ купцовъ, а въ Кунградѣ.

Насталь, наконецъ, день „аса“; кибитки, числомъ до ста, установлены по кругу; пища уже варится. Размѣщеніе прибывающихъ гостей поручено особымъ распорядителямъ пира, дальнимъ родственникамъ покойнаго, число которыхъ доходить до пятидесяти. Всѣ прибывающіе на „асъ“ встрѣчаются этими распорядителями и размѣщаются по кибиткамъ, причемъ строго наблюдается, чтобы каждый родъ занималъ отдѣльную кибитку, и чтобы женщины помѣщались отдѣльно отъ мужчинъ. Женщины обыкновенно всѣ вмѣстѣ помѣщаются въ кибиткѣ покойнаго, причемъ, если по числу собравшихся на „асъ“ женщинъ кибитка эта окажется мала, къ ней приставляютъ, по мѣрѣ надобности, еще кибитки, которыя, составляя одно цѣлое съ первой, представляютъ изъ себя рядъ комнатъ. Помѣщеніе для женщинъ отличается роскошью внутренняго убранства. Всѣ „байбече“, прибывшія на „асъ“ и привезшія съ собою „сабы“ съ кумысомъ, получаютъ отъ наследника умершаго болѣе или менѣе цѣнные подарки, въ видѣ бархатныхъ кафтановъ, шелковыхъ халатовъ и проч. Духовныя лица во время тризны занимаютъ отдѣльную кибитку, въ которой, въ промежуткахъ между питьемъ и ѣдой, совершаютъ молебствія по умершемъ. Всѣ приглашенные на „асъ“ какъ мужчины, такъ и женщины, являются верхами на своихъ лучшихъ лошадяхъ и въ лучшихъ костюмахъ, причемъ женщины ведутъ верблюдовъ, навьюченныхъ „сабами“ съ кумысомъ. Кстати сказать, что „саба“ съ кумысомъ, привозимая на „асъ“ богатымъ киргизомъ, бываетъ иногда громадныхъ размѣровъ. Такъ въ 1852 году на тризну отца киргиза Темиръ-Уркачевской волости Мамаю Исылдыкова была привезена киргизомъ Токаловскаго рода Эмбенской волости Бисембе Бажиковымъ „саба“, сшитая изъ десяти лошадиныхъ шкуръ, вмѣстимостью во сто ведеръ. Когда всѣ приглашенные уже собрались на „асъ“ и размѣстились по кибиткамъ, тогда въ каждой кибиткѣ сначала совершается заупокойная молитва

по умершемъ, затѣмъ начинается питье и ѣда. Мясо, заранѣе приготовленное въ отдѣльной кибиткѣ, развозится въ дальнія кибитки верхами, а въ ближнія разносится молодыми киргизами. Каждый изъ нихъ везетъ и несетъ по двѣ чашки. Какъ только распорядители „аса“ убѣдятся, что мясо въ должномъ количествѣ роздано по кибиткамъ, они сейчасъ же начинаютъ обходить и въ каждой кибиткѣ говорятъ: „Кумысъ у васъ есть, мясо тоже. Пейте и кушайте на здоровье. Если чего не достанетъ, посылайте за тѣмъ своихъ молодыхъ людей (подъ именемъ „молодыхъ людей“ подразумѣвается прислужникъ, находящійся при каждой кибиткѣ), а намъ некогда: у насъ теперь забота о скачкмахъ. Начнутъ онѣ завтра до восхода солнца за пятьдесятъ верстъ отсюда. Призовъ будетъ девять: первый призъ—сто барановъ, одинъ наръ и одна лошадь; послѣдній призъ — лошадь“. Средніе призы не опредѣляются, такъ какъ они, уменьшаясь постепенно, доходятъ до послѣдняго приза въ одну лошадь. Здѣсь для примѣра взята тризна богатаго по теперешнему времени киргиза. Лѣтъ же двадцать тому назадъ скачка производилась болѣе, чѣмъ на сто верстъ и призы назывались хотя тоже въ числѣ девяти, но отличались отъ теперешнихъ своимъ богатствомъ. Такъ, на поминкахъ киргиза Иргизскаго уѣзда Юсупа Жулаева скачка была болѣе чѣмъ на сто верстъ; первый призъ состоялъ изъ пятисотъ барановъ, ста верблюдовъ, сорока лошадей, девяноста шкуръ выдры и рабни; послѣдній призъ—изъ скота, на сумму въ двѣсти рублей. Каждый изъ приглашенныхъ на „асъ“ ведетъ съ собой какую-нибудь скотину, которая, поступая въ вѣдѣніе распорядителей „аса“, частью рѣжется для угощенія, частью идетъ на призы.

Скачутъ обыкновенно мальчики восьми и двѣнадцати лѣтъ. До восхода солнца всѣ они должны уже быть на томъ мѣстѣ, съ котораго предположено начать скачку. По всему пути скачки разставляются цѣпи верховыхъ, которые слѣдятъ за скачущими мальчуганами, чтобы они не сбились съ пути и, по мѣрѣ того, какъ скаковыя лошади подвигаются впередъ, всадники этой цѣпи пристраиваются къ мальчуганамъ и скачутъ вмѣстѣ съ ними. Каждый изъ ребятишекъ употребляетъ всѣ свои дѣтскія усилія,

чтобы держаться толпы и не остаться въ степи одинокому, вдали отъ ауловъ. По мѣрѣ приближенія скакуновъ къ конечной цѣли, верховые, составляющіе цѣпь, хватаютъ скакуновъ, выдѣлившихся впередъ, подъ уздцы и тащатъ ихъ къ распорядителямъ скачекъ. Какъ при распредѣленіи призовъ, такъ и во время самой скачки бываетъ обыкновенно такой шумъ, ругань и толкотня, что нѣтъ ничего удивительнаго, когда изъ-за распредѣленія призовъ, а затѣмъ изъ-за раздѣленія ихъ между всѣми гостями происходятъ драки, а нерѣдко и убійства. Нужно сказать, что хозяинъ скакуна, получившій одинъ изъ девяти призовъ, всецѣло имъ не пользуется, а, въ силу народнаго обычая, долженъ распредѣлить его между всѣми родами, присутствующими на скачкахъ, и при томъ такъ распредѣлить; чтобы ни одинъ родъ не счелъ себя обиженнымъ. По окончаніи скачекъ и раздачи призовъ, хозяинъ благодаритъ гостей за посѣщеніе, и тѣ разѣзжаются по домамъ.

Во время скачекъ, пока всѣ скачущіе мальчуганы еще далеко, на мѣстѣ сбора приглашенныхъ на „асъ“ идетъ борьба, до которой киргизы особенно большіе любители. Во время этихъ состязаній можно встрѣтить киргизъ, обладающихъ и громадной силой, и замѣчательной ловкостью. Первый изъ борцовъ получаетъ на призъ нара, болѣе слабые — лошадь, жеребенка, барана, халать. Киргизы борются между собой съ помощью веревокъ или кушаковъ, которые перекидываютъ другъ другу на поясицу. Выгнувъ спину и, сколько возможно, натянувъ веревки или кушаки, долго ходятъ они по кругу, переступая съ ноги на ногу, пока кто-нибудь изъ двухъ борцовъ не полетитъ на землю. Въ памяти народной до сихъ поръ живетъ киргизъ Уймагутъ-Джилътавской волости Кутенъ Исергеновъ, который, обладая непомѣрной силой, ѣлъ одинъ только разъ въ недѣлю, причѣмъ съѣдалъ цѣлаго молодого барана и выпивалъ ведро кумыса. Впрочемъ, въ степи не рѣдкость и до сего времени встрѣтить киргизовъ, которые вдвоемъ съѣдаютъ жирнаго барана¹⁾.

М. Леваневскій.

¹⁾ Тург. Иллюстр. газета. № 51 за 1896 г.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Идѣше научите всѣ языки, крѣщаще
ихъ во имя Отца и Сына и Свяго Духа.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состояшаго подъ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ.

1895.

Годъ третій.

ТОМЪ I.

№ 1.

ЯНВАРЬ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Типографіи А. П. Снегиревой. Остоженка, Савеловскій пер., соб. домъ.

1895.

Поминки у каракиргизовъ.

(ИЗЪ ПУТЕВАГО ДНЕВНИКА).

...Лишь только успѣлъ мулла сдѣлать опросъ присутствующихъ о нравственныхъ качествахъ покойника и сойти съ могильной насыпи, какъ человѣка четыре киргизъ-родственниковъ покойника бросились къ валявшейся тутъ же новой кошмѣ, снятой съ трупа передъ его погребеніемъ, и между ними завязался горячій споръ о томъ, кому должна достаться кошма. Мулла разрѣшилъ этотъ споръ, отдавъ кошму двумъ бѣднякамъ, укладываяшимъ трупъ въ могилу. Они тутъ же разрѣзали ножемъ кошму пополамъ, свернули ее въ трубку и, положивъ свертокъ подъ мышку, повидимому очень довольные, отправились къ мѣсту *байги*, заражая по дорогѣ воздухъ трупнымъ смрадомъ.

Послѣ запрещенія русскими властями *баранты* (разбойничьихъ набѣговъ съ цѣлью грабежа или изъ мести), байга (конскій бѣгъ) является любимѣйшимъ развлеченіемъ каракиргизовъ, ибо въ ней они могутъ показать свою удалъ и молодечество, а также похвастаться скакунами.

По каракиргизскому обычаю, байга должна была бы устраиваться исключительно на поминкахъ по покойникѣ, но за послѣднее время обычай этотъ сталъ нарушаться богачами (*монанами*), устраивающими байгу при всякомъ благопріятномъ случаѣ, напримѣръ, по случаѣ рожденія первенца-сына, послѣ удачныхъ выборовъ и т. п. Байга на поминкахъ по покойникѣ устраивается въ день похоронъ (*яназа*), въ седьмой день по смерти (*хатми кэран*—чтеніе корана), въ сороковой (*кыркач*), въ сотый (*юзач*) и въ день годовщины (*чонгач*). Но не по всякому покойнику устраивается байга во всѣ эти дни. Это находится въ зависимости отъ средствъ покойника или его родственниковъ, но какъ бы ни были

незначительны средства, а обойтись совершенно безъ байги считается позоромъ.

Чтеніе корана въ седьмой день по смерти вошло въ обычай сравнительно недавно (лѣтъ 20—25 тому назадъ) и введено заѣзжими татарскими муллами. Прежде же въ этотъ день читались незамысловатыя молитвы доморощенныхъ муллъ, послѣ чего дѣлились одежды покойника между бѣднѣйшими его родственниками.

Вліяніе заѣзжихъ муллъ-татаръ среди киргизовъ такъ сильно, что многіе изъ первобытныхъ, чисто языческихъ обычаевъ и обрядностей быстро исчезаютъ. Вотъ почему крайне необходимо было бы, не теряя времени, обратить особое вниманіе на все-сторонне изученіе быта, обрядовъ, легендъ и историческихъ преданій киргизскаго народа.

Чѣмъ богаче покойникъ или его родственники, тѣмъ больше народу стекаются на поминки по немъ, и съѣзжаются они не только изъ той волости, въ которой онъ жилъ, но и изъ сосѣднихъ. Киргизы очень любятъ поминки и стоитъ только кому-либо изъ манаповъ мало-мальски серьезно заболѣть, какъ вѣсть объ этомъ съ быстротою молніи разносится во всѣ стороны. Мнѣ случилось разъ встрѣтить мчавшагося во весь опоръ, забывшаго даже о своей солидности, аульнаго бія для того, чтобы первому сообщить вѣсть о смерти стараго волостнаго управителя. Подъ предлогомъ соболѣзнованія навѣщаютъ киргизы больного богача, справляются о его здоровьѣ и, во что бы то ни стало, добиваются его увидѣть. Если нельзя почему-нибудь войти въ юрту, гдѣ онъ помѣщается, то просятъ разрѣшенія посмотрѣть хоть въ щелку. Добившись этого и выѣхавъ затѣмъ изъ аула, начинаютъ совѣщаться о томъ, останется ли больной въ живыхъ или нѣтъ. Если болѣе шансовъ за послѣднее, то предусмотрительнѣйшіе изъ киргизъ, имѣющихъ скакуновъ, начинаютъ заблаговременно готовить ихъ къ байгѣ.

Подготовка эта заключается въ томъ, что коня берутъ изъ табуна, задаютъ ему овесъ, котораго онъ въ обыкновенное время не видитъ, и заставляютъ его ежедневно пробѣгать постепенно увеличиваемыя разстоянія, причемъ договариваютъ жокея, который и объѣзжаетъ ковя.

И вотъ, узнавъ о смерти Боку Чалдыкова, киргизъ собралось человекѣкъ 700, несмотря на то, что покойный былъ бѣденъ. Вся эта орава съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія похоронъ и, лишь только онѣ кончились, всѣ киргизы направились къ заранѣе намѣченному для начала байги пункту.

Пунктомъ этимъ служила древняя каменная статуя или, какъ ихъ принято называть, „каменная баба“, зарытая въ землю по самую шею, такъ что лишь одна безобразная голова съ остроконечнымъ калмыцкимъ колпакомъ на макушкѣ торчитъ изъ земли. Непогоды и время значительно сгладили грубо высѣченныя на камнѣ черты ея лица. Она является теперь свидѣтельницей современной байги, но Аллахъ вѣдаетъ, сколько тысячелѣтій простояла она на этомъ мѣстѣ, сколько она видѣла народовъ, проходившихъ мимо нея. Досада разбираетъ, какъ подумаешь, что до сихъ поръ нѣтъ никакихъ точныхъ историческихъ данныхъ объ этихъ загадочныхъ памятникахъ. Между тѣмъ такія каменные изваянія встрѣчаются, начиная съ верховьевъ Енисея и кончая степями Крыма и Екатеринославской губерніи.

Всѣхъ скакуновъ, предназначенныхъ для бѣга, было двадцать. Привыкнувъ видѣть на европейскихъ скачкахъ породистыхъ, выхолощенныхъ лошадей, я былъ крайне пораженъ невзрачнымъ видомъ киргизскихъ скакуновъ. Но не всякій европейскій скакунъ былъ бы въ состояніи промчаться, безъ всякаго ущерба для своего здоровья, въ какія-нибудь 42 минуты разстояніе въ 20 верстъ и послѣ этого отвезти еще своего хозяина въ ауль, стоящій отъ мѣста байги верстъ на пятнадцать—двадцать.

Весна была поздняя, а потому голодавшія всю зиму лошади, не успѣли еще отжѣсться въ богатыхъ питательной травою горныхъ долинахъ. Небольшаго роста, съ громадной неуклюжей головой, худыя до того, что издали можно было пересчитать у нихъ чуть ли не всѣ ребра, лошади эти производили крайне жалкое впечатлѣніе. Скакунамъ, предназначеннымъ къ байгѣ, въ отличіе ихъ отъ другихъ лошадей, заплетаютъ гриву вмѣстѣ съ разноцвѣтными лоскутами, а чолку туго перевязываютъ какой-нибудь тесьмой, такъ что она стоитъ торчмя между ушами; хвостъ ниже послѣдняго сустава также туго-на-туго перевязываютъ какимъ-

нибудь небольшимъ разноцвѣтнымъ ситцевымъ платкомъ или тряпкой ¹⁾).

Е. Ковалевъ.

Магометанская пропаганда среди черемисъ Уфимской губернии.

(изъ личныхъ наблюдений).

Мое знакомство съ уфимскими черемисами.—Явные признаки мусульманскаго вліянія на нихъ.—Разселеніе черемисъ въ Уфимской губернии.

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1883 года мнѣ пришлось ѣхать по Мензелинскому тракту до г. Бирска, Къ вечеру 28 числа я прибылъ на послѣднюю станцію между Мензелинскомъ и Бирскомъ, въ черемисскую деревню Чишму. Желая справиться объ училищѣ, гдѣ намѣренъ былъ остановиться, я подошелъ къ одной изъ крайнихъ избъ. Семья черемисина сядла за столомъ и по-видимому оканчивала ужинъ. Всѣ мужчины были въ тюбетейкахъ, бабы въ черемисско-татарскомъ костюмѣ; всѣ о чемъ-то громко разговаривали на смѣшанномъ татарско-черемисскомъ языкѣ. На мой вопросъ, гдѣ мнѣ найти училище, сѣдой старикъ-черемисинъ въ засаленной и поношенной тюбетейкѣ указалъ на сосѣдній домъ. Въ это время мальчикъ лѣтъ 6—7, сидѣвшій рядомъ со старикомъ, обратился къ нему по-татарски: „*бабай, ни сурій?*“ (дѣдушка, что спрашиваетъ?) „*Школа анар керак*“, былъ отвѣтъ. Свободная татарская рѣчь въ устахъ малютки и старика невольно обратила мое вниманіе. Желая вызвать на разговоръ, я обратился къ старику по-черемиски: „дѣдушка, зачѣмъ разговариваете по-татарски? Вѣдь вы, кажется, черемисы“. Вопросъ былъ разслышанъ всѣми; неожиданность его крайне удивила черемисъ: бабы какъ-то глупо улыбнулись, на мужикахъ было замѣтно смущеніе, какъ будто я поймалъ ихъ на чемъ

¹⁾ „Туркестанскія Вѣдомости“, 1895 г., № 20.

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

Шѣдше научите всѣ ѡзыки, крѣщае
ихъ во имя Оца и Сѣна и Сѣаго Дха.
Мато. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА, состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ.

1900.

Годъ восьмой.

ТОМЪ Ш.

№ 21.

НОЯБРЬ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОВ. Д.

1900

въ то время нашихъ политическихъ отношеній въ Корей, онъ не достигъ Сеула, а въ ноябрѣ 1898 года былъ уволенъ Святейшимъ Синодомъ отъ должности начальника миссиі. Новымъ начальникомъ миссиі назначенъ былъ въ сентябрѣ 1899 г.— кандидатъ Казанской духовной академіи іеромонахъ Хрисанъ, съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита. Его заботами, при дѣятельномъ участіи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Корей А. И. Павлова, 15 октября въ г. Сеулѣ (столицѣ Кореи) открыта и торжественно освящена школа при миссиі, которая, несомнѣнно, является твердымъ ручательствомъ за преуспѣяніе дальнѣйшей дѣятельности нашей миссиі въ Корей. (Церк. Вѣд.).

Киргизская помолвка.

Аулъ Касья расположенъ неподалеку отъ Телоцкаго озера, которое синими полосами виднѣлось за высокими бомами ¹⁾. Давно уже старый Касый живетъ здѣсь: онъ былъ еще мальчикомъ, когда отецъ его поселился тутъ,—а столько гостей сколько къ нему наѣхало сегодня, у него никогда еще не бывало.

Что же это за праздникъ у Касья?

Это, видите ли, у него происходитъ помолвка его маленькой дочери Таначакъ съ сыномъ богатаго зайсана Кеджи, Елекомъ.

Въ числѣ почетныхъ гостей былъ и старый Сарпай Камъ ²⁾, который приглашенъ совершить моленіе, и демичи ³⁾ разныхъ волостей, и многіе другіе, извѣстные въ Алтаѣ старики. Лѣтняя юрта Касья, гдѣ расположились гости, была убрана по праздничному: кругомъ по низенькимъ нарамъ были посланы кошмы и токумы ⁴⁾, на которыхъ, возлѣ самыхъ стѣнъ, были положены

1) Бомъ—гора, или скала.

2) Жрецъ, волхвъ.

3) Демичи—помощники зайсана.

4) Кошма—подсѣдльникъ, оваймлевный красной или черной матеріей.

сумки съ хозяйскимъ добромъ и провизіей. На земляномъ полу кругомъ очага было все подобрано и тщательно выметено.

Женщины, одѣтыя въ праздничныя одежды — чегедеки ¹⁾, хлопотали около очага. Онѣ заняты были вмѣстѣ съ хозяйкой „высиживаніемъ“ молочнаго „арака“ ²⁾, въ ожиданіи котораго гости вели шумный разговоръ, сидя кругомъ очага поджавши подъ себя ноги. На самомъ почетномъ мѣстѣ въ передней сторовѣ сидѣлъ зайсанъ Кеджи. Онъ былъ уже не молодой: рѣденькая, клинообразная бородка и гладко остриженная голова, съ торчащей на верхушкѣ коротенькой косою, начинали уже замѣтно сѣдѣть.

Длинный, широкій, но собранный въ конечности правый рукавъ его шубы, покрытой синимъ сукномъ съ красной широкой каймой по поламъ и подолу, былъ спущенъ съ плеча, и зайсанъ лѣвою рукою поминутно задергивалъ къ локтю широкій рукавъ кумачной рубашки съ растегнувшимся воротомъ, который отъ толстаго слоя грязи потерялъ уже свой первоначальный цвѣтъ.

Благодаря теплomu весеннему времени, въ юртѣ было жарко, и потому Кеджи время отъ времени тѣмъ же свободнымъ рукавомъ рубашки вытиралъ выстулавшій крупными каплями на лицѣ и на открытой груди потъ.

Камъ своимъ костюмомъ нисколько не отличался отъ остальныхъ гостей; онъ, какъ и другіе, былъ въ овчинной шубѣ такого же покроя, какъ и шуба Кеджи, но только окаймлена она была чернымъ, недорогогимъ плисомъ, и, кромѣ того, ничѣмъ не была покрыта.

У многихъ изъ нихъ, какъ, на примѣръ, и у Кама, шубы спущены были съ обоихъ плечъ и держались на опояскахъ. Шапки также у большинства были сняты и лежали на колѣняхъ или просто на землѣ.

---

1) Чегедекъ—родъ куртки, безъ рукавовъ, окаймленной парчей.

2) Аракъ—хмѣльный напитокъ. На огонь ставится котелъ, сверху покрытый выпуклой крышкой, въ котелъ наливается особо проквашенное молоко и потомъ замазывается глиной, изъ котла идутъ двѣ коротенькія трубки, черезъ которыя гонится аракъ.

Гостепріимный хозяинъ то и дѣло раскуривалъ свою трубку и передавалъ зайсану; послѣдній, раскуривъ свою трубку, въ свою очередь угощалъ хозяина.

Точно также хозяинъ обмѣнивался трубками и съ остальными гостями, начиная, послѣ зайсана, съ Кама.

Когда былъ „высуженъ“ первый казанъ ¹⁾ молока и чарка съ горячимъ „арака“ была подана зайсану, послѣдній, отпивъ немного, подаль Каму, который выпилъ чарку, но также не всю, и остатками арака началъ брызгать надъ огнемъ, а также и по сторонамъ, произнося при этомъ никому непонятныя слова. Послѣ этого чашку онъ возвратилъ хозяйкѣ, которая наполняла ее и подавала ее мужу, а онъ передавалъ зайсану, этотъ же послѣдній передавалъ въ свою очередь уже другимъ присутствующимъ, не исключая и хозяйки. Чарка уже нѣсколько разъ обошла гостей. Говоръ становится все шумнѣе; изрѣдка затягивается и пѣсня.

Но вотъ отецъ жениха Кеджи далъ знакъ рукою и всѣ замолчали; онъ рѣшилъ приступить къ дѣлу.

Первымъ долгомъ нужно было рѣшить вопросъ о „калымѣ“ ²⁾.

— Ну, другъ, за тобой слово, заговорилъ Кеджи, обращаясь къ Касью и поджимая руками подъ себя ноги, — говори, — чего и сколько будешь просить за свою дочь?

Касый, хотя и ждалъ этого вопроса, но не сразу на него отвѣтилъ, нагнулся къ огню и, выколовивъ изъ трубки пенель, принялся снова набивать ее табакомъ, видимо, обдумывая свой отвѣтъ.

Тишина въ это время стояла невозмутимая, всѣ ждали, что скажетъ старый Касый. Знали также всѣ, что зайсанъ Кеджи богатый человекъ, и потому не было сомнѣнія, что Кысай воспользуется этимъ и запроситъ богатый калымъ.

— Зачѣмъ я буду просить много, глядя на дочь, которая стояла съ матерью по другую сторону очага, наконецъ, проговорилъ онъ, какъ будто отвѣчая на общее мнѣніе и на свои

¹⁾ Казанъ—котель.

²⁾ Калымъ—выкупъ за невѣсту.

мысли. Согласенъ ли ты дать за мою дочь 50 лошадей, 20 коровъ и 200 рублей денегъ?

Зайсанъ переложилъ правую ногу подъ лѣвую, провелъ по лицу рукой и, помолчавъ немного, проговорилъ:

— Гм... на скоть я, пожалуй, согласенъ, а денегъ-то ты, другъ, много просишь. Сто рублей бери, а двѣсти—много.

— По твоему много, а по моему мало.

— Нѣтъ, не мало,—вѣдь и сто рублей большія деньги.

— Ну хорошо же, сдѣлаемъ такъ: я полсотни сбавлю, а ты столько же прибавь.

— Вѣрно, вѣрно!

— Это хорошо!

— Такъ-то вотъ лучше!

Заговорили разомъ молчавшіе до сихъ поръ гости.

— Надо согласиться! проговорилъ въ свою очередь Камъ—Сарпай.

— Идетъ, якши ¹⁾, привставая съ мѣста и протягивая руку, сказалъ зайсанъ.

Ударили по рукамъ. Дѣвочка-невѣста, стоявшая до сихъ поръ смирно возлѣ матери, захихикала и начала шалить, завертываясь въ юбку матери. Она не вполнѣ понимала все происходившее вокругъ нея, и все чему-то радовалась. Но мать ея совсѣмъ иначе себя чувствовала. Хотя въ душѣ она и рада была тому, что породнится съ богатымъ зайсаномъ, но все-таки мысль, что, рано или поздно, дочь ея должна уйти отъ нея и сдѣлаться почти рабою чужого человѣка, заставила ее призадуматься.

— Э, калакъ, калакъ ²⁾, задумчиво глядя въ одну точку и покачавъ головою, проговорила она тихонько.

Въ это время Касый кивнулъ головою стоявшимъ у дверей юрты молодымъ парнямъ, которые, какъ будто уже дожидались этого знака, и вышли изъ юрты.

Говоръ въ юртѣ возобновился и чарка съ горячимъ, только что высиженнымъ арака, снова пошла кругомъ.

¹⁾ Якши—хорошо.

²⁾ Э. калакъ—Ай, ай, аяй.

Черезъ полчаса внесли въ юрту теплое еще мясо, только что зарѣзаннаго быка, которое тотчасъ же сложили въ огромный котель и начали варить. вмѣстѣ съ тѣмъ принесена была въ большомъ чугунѣ и застывшая уже кровь, которую также приставили къ огню и, когда она поджарилась немного, съѣли.

Наступила очередь и мяса. Гости вытаскивали изъ казана мясо, подхватывая каждый своимъ ножомъ, висѣвшимъ на поясѣ въ ножнахъ, усердно ѣли, обгладывая кости. Отъ этого быка перепало не мало и постороннимъ зрителямъ, толпившимся у дверей юрты: не брезгали они и обглоданными костями, выколупывая кое-гдѣ оставшееся еще на нихъ мясо. Чарка же съ теплымъ „арака“ не переставала переходить изъ рукъ въ руки. Многіе изъ гостей затягивали пѣсни уже совсѣмъ пьянымъ голосомъ.

До самаго утра пировали гости у Касыя. Быкъ былъ уже съѣденъ и вино все выпито, когда гости начали разѣзжаться по домамъ.

Наконецъ остался одинъ зайсанъ со своею женою да двумя молодыми парнями, которые были при немъ въ качествѣ слугъ.

Поговоривъ еще немного кое о чемъ и раскуривъ двѣ-три трубки, зайсанъ велѣлъ подавать лошадей.

Всѣ вышли проводить гостей, не исключая и маленькой невѣсты. Будущая свекровь нѣжно погладила ее по головѣ, проговоривъ: „живи, живи теперь дома съ отцомъ да матерью, — выростешь большая — прїѣдемъ за тобою, — а теперь повеземъ жениху поклонъ отъ тебя“. Когда зайсанъ сталъ садиться на лошадь, одинъ изъ парней держалъ лошадь подъ уздцы, другой подавалъ стремя, а Касый поддерживалъ его подъ руки. (Тург. газ.).

А. С—новъ.
